

ВЕРНЕР Г. К.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕЕНИСЕЙСКОЙ ДЕКЛИНАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

Возможность постановки вопросов реконструкции тех или иных фрагментов общенеисейской грамматики обеспечивается сегодня не только наличием значительного фактического материала по современным и исчезнувшим енисейским языкам, особенно по коттскому языку [1], но и наличием целого ряда серьезных специальных работ по кетско-югской грамматике, основывающихся на полевых исследованиях последних десятилетий [2—8]. Наиболее полно и обстоятельно, несомненно, исследованы категории имени в енисейских языках; тем не менее по многим вопросам именной морфологии нет пока однозначной интерпретации фактов. Думается, что обобщение достигнутых результатов в изучении имени в плане сравнительно-исторического их осмысления может пролить дополнительный свет на природу грамматических категорий енисейского имени и технику их выражения по языкам и диалектам.

Из грамматических категорий имени в енисейских языках больше всего споров продолжает вызывать категория падежа; это вновь подтвердила последняя обобщающая работа по морфологии кетского имени [8]. Сомнения у некоторых кетологов все еще существуют относительно статуса ряда падежей прежде всего в связи с нерешенностью вопроса об отграничении падежных форм от послеложных конструкций. В целом ситуация в енисейских языках мало чем отличается от состояния этой проблемы во многих других языках, например, в самодийских и финно-угорских. Более того, в последних, особенно в селькупском, обнаруживается поразительное сходство с енисейскими языками, в частности, в общей схеме построения деκлинационной модели имени: она основывается в тех и других языках на оппозиции основного и родительного падежей, которая выступает как основная оппозиция всей парадигмы склонения [9, с. 64]. Другая типологически важная параллель между этими языками заключается в том, что послелоги, как правило, управляют в них род. падежом имени, с которым образуют послеложную конструкцию (см., например [10]). Этот факт приобретает немаловажное значение в историческом обосновании статуса как падежей, основанных на форме основного падежа (в дальнейшем: падежи группы I), так и падежей, основанных на форме род. падежа (в дальнейшем: падежи группы II), но из него еще не вытекает с неизбежностью вывод об идентичных путях развития системы склонения в тех и других языках; скорей всего эти сходства позднего конвергентного порядка.

В специальном исследовании, посвященном послеложным конструкциям кетского языка [11], правда, отмечается, что из всех кетских послелогов четыре послелога — *duḡde*, *baṇdiṇe*, *es'aṇ*, *as'ka* — управляют основным падежом; но при более тщательном анализе соответствующих при-

меров из кетского и югского языков этот вывод оказывается сомнительным. Форма *dugde* — это образование прономинально-наречного характера, выступающее в роли союза-скрепы в предложениях типа *bu do:l'in dugde, at boyon'* «Пока он стоял, я ушел». Послелог же *ugde* (от качественного имени «длинный; длина») всегда управляет род. падежом соответствующего имени: *utal s'i-d ugde* «в течение всей ночи» (букв. «всей ночи длина»). Послелог *ba,di,e* «до» не может быть вычленен из образований типа *yre ba,di,e* «до весны», как это обычно делается, так как в данном случае представлено сложное существительное *yrebaq* «весна» (букв. «весенняя земля»), оформленное показателем дат. падежа *-di,e*. А причисление к послелогам *es'aj* и *as'ka* вообще проблематично (см. о них ниже).

В коттских материалах М. А. Кастрена [1] нет прямых указаний на то, что послелоги управляют род. падежом соответствующего имени или местоимения. Нет у него таких указаний и относительно енисейско-остяцких (т. е. кетских и югских. — В. Г.) послелогов, однако некоторые из них приведены с притяжательным преф. *d-*, который, несомненно, представляет собой показатель род. падежа, оторванный от предшествующего имени или местоимения, например, *de:d'* «на» (< *-d e:d'*), *daget'* «на» (< *-daget'*), *dygel* «возле» (< *-d ygel*), сым.¹ *inbar*, имб. *dinbal'* «между» (< *-d inbal'*), *de:tpei* «до» (< *-d e:tpei*), *dagit'* «назад, за» (< *-d agit'*), ср. *agei xolap* «задняя сторона» [1, с. 144] и т. д. Не исключено, что и некоторые из приведенных М. А. Кастреном коттских послелогов [1, с. 148—149] можно истолковать таким же образом, например: *i:kat* «на» (< *-i ikat*), *i:kačaq* «от, с» (< *-i ikačaq*), *i:tal* «внизу» (< *-i ital*), *i:talčaq* «снизу» (< *-i italčaq*), *~area* «в» (< *- , area*, < *ai*) *area*, «мое нутро», где *i, y* — показатели род. падежа. Правда, М. А. Кастрен приводит словосочетание *še:t he:pa,* «до реки» вместо ожидаемого *še:ti he:pa,*, но его примеры типа *t'i:k i:kat* «на снегу» можно бы возводить к *t'i:ki ikat* по аналогии с его сымским (югским) примером *tigde:d'* «на снегу» (< *tigde:d'*) [1, с. 142].

Из факта, что в енисейских языках послелоги управляют род. падежом соответствующего имени или местоимения, вытекает следующий вывод: засвидетельствованные в енисейских языках падежи группы I не могут в историческом плане возводиться к послеложным конструкциям; к таким конструкциям могут возводиться только падежи группы II, основанные на форме род. падежа (кроме самого род. падежа).

Действительно, показатели падежей группы II без особых трудностей возводятся к сочетаниям показателя род. падежа с формализованными элементами, восходящими к послелогам. Так, показатели дат. падежа в кетском и югском языках *-da,a*, *-di,a* развились из *-da + iŋ/iŋa*, *-di + iŋ/iŋa*, где *iŋ/iŋa* восходит к послелогу (ср. югск. *ab i: y bə:s'e* «меня нет», *uk i: y bə:s'e* «тебя нет», *dai: y < buda i: y bə:s'e* «его нет», *di: y bə:s'e < budi i: y bə:s'e* «ее нет» и т. д.; показатели назначительного падежа *-data-*, *-dita / -dat*, *-dit* развились из *-da + at/ata*, *-di + at/ata*, где *at/ata* восходит к послелогу со значением «за» (ср. сур. *bu oyon' dqimd a:te* «он пошел за своей женой», кел. *ad di: laq e:l'd at* «я ходил за брусничкой» и т. д.); показатели псх. падежа югск. *-dayə: r*, *-diə: r*, кет. *-dačal'*, *-dičal'* восходят к показателям дат. падежа, к которым присоединился в постпозиции послелог-наречие югск. *ər*, кет. *əl'* (ср. кет. *əl'ga*, югск. *ərgej* «вне, снаружи», в которых данный послелог-наречие, оформленный показателем местн. падежа *-ga ∞ -gej*, выступает как наречие); и показате-

¹ Сокращения: сым. — сымский, имб. — имбатский, югск. — югский, кот. — котский, кет. — кетский, сур. — сургутинский (говор), кел. — келлогский (говор), бак. — бакланихинский (говор), кур. — курейский (говор).

Показатели форм единственного числа¹

Языки		коттский		кетский		югский	
Падежи		муж.р.	жен.р.	муж.р.	жен.р.	муж.р.	жен.р.
Падежи группы I	Основной	—	—	—	—	—	—
	Орудный	o:	—	as' < has'	—	jas/ʃaj	—
	Совместный	oʃ/aʃ	—	as' < has'	—	jas/ʃaj	—
Падежи группы I	Лишительный	p ^h un/ʃun ²	—	an < han	—	ʃan/pan	—
	Местный	—	—	ka/ɡa	—	keʃ/geʃ	—
	Продольный	—	—	bes'	—	bes	—
Падежи группы I	Звательный	—	—	—	—	—	—
				o	Λ	o	Λ
Падежи группы II	Родительный	a:	i	da	di	da	di
	Дательный	a:ʔa	iga	daʃa	diʃa	daʃ	diʃ
	Исходный	a:ɕaʃ	iɕaʃ ³	daʃal'	diʃal'	daʃa:r	diʃa:r
	Местно-личный	a:ha:t	iha:t	daʃta	diʃta	—	—
	Назначительный	—	—	data	diita ⁴	dat	dit

¹ Категория падежа переплетается в енисейских языках с категориями числа, класса (рода) и одушевленности/неодушевленности, что наглядно представлено на нижеприведенных таблицах. По этой особенности различаются фактически три склонения; мужское, женское и вещное. Мужское и женское склонения противопоставлены вещному еще и как одушевленное склонение неодушевленному (у последнего нет различий по числу; склоняемое слово в ед. и мн. числе получает одни и те же показатели во всех падежах, в то время как в одушевленном склонении падежные показатели совпадают в ед. и мн. числе лишь у падежей группы I).

² М. А. Кастрен не указал в своем перечне коттских падежей лишительного падежа; однако в его работе достаточно фактов, которые позволяют выделить этот падеж в коттском языке по аналогии с кетским и югским: *aiʃun* «без меня» (*ai* «я»), *tagaiʃun* «без головы» (*tagai* «голова»), *ali:tʃun* «без жены» (*ali:t* «жена»), *anapaʃaiʃun* «без ума» (*anapaʃai* «ум») и т.д.

³ Местный падеж в коттском языке, отмеченный М. А. Кастреном, можно рассматривать как местно-личный на том основании, что в его показателях проведено различие между мужским и женским классами, как в кетском местно-личном падеже.

⁴ Кетские данные даны по среднекетскому диалекту (говору Сургутихи и Бакланихи).

ли местно-личного падежа *-daʃta*, *-diʃta* восходят к показателям дат. падежа, к которым присоединился послелог *at/ata* [12, 13; 5, с. 245].

Для показателей коттских падежей группы II приведенная общая структурная схема кетского и югского языков остается неизменной, но послеложные элементы в ней материально не совпадают с кетско-югскими, что свидетельствует о довольно позднем характере падежей группы II в енисейских языках. Об этом свидетельствует и прозрачность этимологии их показателей. Напротив, показатели падежей группы I сохраняют в различных енисейских языках в большинстве случаев значительное материальное сходство, хотя их этимология затемнена. И это может говорить в пользу их древнего происхождения. Сравним показатели падежей в кетском, югском и коттском языках (табл. на с. 86, 87).

Показатели форм множественного числа.

Для показателей форм мн. числа характерно в енисейских языках выражение оппозиции «одушевленный»: «неодушевленный», т. е. имена мужского и женского классов имеют во мн. числе общие показатели, а у имен вещного класса повторяются показатели ед. числа, общие для женского и вещного классов, которые присоединяются к форме мн. числа имени. Эти различия не выражены, однако, в группе падежей I.²

	Языки	Коттский		Кетский		Югский	
	Падежи	одуш. кл.	неодуш.	одуш. кл.	неодуш.	одуш. кл.	неодуш.
Падежи группы I	Основной	—	—	—	—	—	—
	Орудный	o:	—	as' < has'	—	fas/faj	—
	Совместный	oš/aš	—	as' < has'	—	fas/faj	—
	Лишительный	phun/jun	—	an < han	—	fan/pan	—
Падежи группы II	Местный	—	—	ka/ga	—	kej/gej	—
	Продольный	—	—	bes'	—	bes	—
	Звательный	—	—	Λ	—	Λ	—
	Родительный	a:ɣ	i	na	di	ɣa	di
Падежи группы II	Дательный	a:ɣa	iga	naɣa	diɣa	naɣ	diɣ
	Исходный	a:ɣəɣ ¹	iɣaɣ	naɣal'	diɣal'	naɣə:r	diɣə:r
	Местно-личный	a:ɣha:t	iha:t	naɣla	diɣla	—	—
	Назначительный	—	—	nata	dita	nat	dit

¹ В коттском языке наблюдается перед $\check{s}$ переход $\gamma > n$ [1, с. 34].

Есть основания, кроме перечисленных, предполагать наличие в енисейских языках в прошлом и некоторых других падежей в группе I, а именно — локатива на *-l*, компаратива, транслатива, эксклюзива, инструктива и др.

Для реконструкции локатива на *-l* очень важны указания М. А. Кастрена на локативные формы типа *gəa : l* «вверху» (от *e* : $\check{s}$ «небо, бог»), *ha : na* «внизу» (от **ha* : *n* «низ»), *uɣal* «в верховье (реки)» (от **uɣ* «верховье»), *t^{hi} : gal* «в низовье (реки)» (от **t^{hi}* : *k* «низовье»), *i : tal* «внизу, под» и т. д. [1, с. 200, 208]. Некоторые реликты этого древнего локатива можно обнаружить в кетских и югских наречиях и послелогах, например, югск. *yɣyl* «рядом», *ytyl* «возле», *ɣyl* «внизу»; кет. *hytil* «внизу, нижний», *qotil* «впереди, передний», *tos'il* «вверху, верхний». Локативный характер этих форм подтверждается и тем, что кет. *qotil* «впереди, впродоль, передний» соответствует югск. *xotke* с тем же значением, где *-ke* — показатель современного югского локатива.

К падежу локативной семантики общего плана, выражавшему также инструктивно-компаративные значения, можно возводить и кетско-югский пролатив на *-bes*. Во всяком случае его компаративное значение хорошо сохранилось в коттском эквативе на *-baš/paš*, например: *alšip* «собака» — *alšipbaš* «как собака; собаке подобный»; *hat* «огонь» — *hatpaš* «как огонь; огню подобный». Интересны в этом отношении югские прилагательные *surbes/surbeš* «красный» (< *sur* «кровь» + *bes* — показатель пролатива, т. е. букв. «как кровь; крови подобный»), *tigbes/tigbeš* «белый» (< *tik* «снег» + *bes* — показатель пролатива, т. е. букв. «как снег; снегу подобный»). Отмечены подобные образования и в кетском языке, например, *ul'bes* «жидкий» (< *ul* «вода» + *bes*, т. е. букв. «как вода; воде подобный»). Любопытны примеры употребления кетских прилагательных в форме пролатива (мы полагаем, что это наречия), на которые указала В. С. Бибилова: *daqim eddabes' kəmej dejs'komndaRan* «его жену живую

(живьем) прочь бросили», *bu keʔi utalbes' dul'doq* «он человека целиком съел», *buŋ i : s' bən' taɣtubes' bɪlaŋin* «они рыбу несоленой ели» [14, с. 19]. Следовало бы поэтому кетско-югские слова типа *orras* «отчим», *ammas* «мачеха», *hurras'*, *furras* «пасынок», *hunnas*, *funnas* «падчерица» и другие рассматривать не как застывшие формы социатива [15, с. 10], а скорее как формы раннего инструктива-компаратива, т. е. как формы со значением «отцу подобный; отцом приходящийся», «матери подобная; матерью (приходящаяся)», «сыну подобный; сыном (приходящийся)», «дочери подобная; дочерью (приходящаяся)» и т. д.

Наличие нескольких локативов на более раннем этапе развития енисейских языков не должно удивлять, если учесть, что в этих языках была довольно развернутая система дейксиса, дававшая точную информацию о местонахождении соответствующего денотата по отношению к говорящему. Это подтверждают и указательные местоимения в кетском и югском, содержащие указание на сферу говорящего, общее указание и указание на удаленность от говорящего или указание на сферу «тот»: *ki* «этот» (близкий, видимый), *tu* «этот, тот» (подальше находящийся), *qa* «тот» [16].

Хотя в перечне коттских падежей *Instructiv* и *Comitativ* указаны как разные падежи с показателями *o :* и *oš/aš*, в своем коттском словаре М. А. Кастрен отмечает, однако, что *oš* «посредством» — это последлог инструктива (*ist eine Postposition für den Instructiv*) [1, с. 202]). Видимо, в коттском языке не было четкой грани между этими падежами. Вопрос осложняется еще тем, что в коттском языке представлены наречия на *-a* с явным комитативным значением: *ali : t* «жена» — *ali : ta* «женат», *hatkit* «мужчина» — *hatkita* «замужем», *araɣai* «ум» — *araɣaja* «умно», *tu* «дым» — *tua* «дымно», *hunaŋ* «дыры» — *hunaɣa* «дыряво», *šed* «камни» — *šedə* «каменисто» и т. д. Очевидно, этот же показатель *-a* представлен в сложных именах типа *hatapiš* «трут» (< *hat* «огонь» + *a* + *piš*), *hatašiš* «кремень» (< *hat* «огонь» + *a* + *šiš* «камень»), *hatagem* «ружье» (< *hat* «огонь» + *a* + *xem* «стрела»). Интересно, что комитативный характер обнаруживают и некоторые кетские и югские соответствия приведенным коттским словам: югск: *čettas* «замужем» (< *čet* «муж» + *fas* — показатель социатива, т. е. букв. «с мужем»), *xemmas* «женат» (< *xem* «жена» + *fas* — показатель социатива, т. е. букв. «с женой»). Можно, следовательно, предположить, что коттские падежи — инструктив на *-o :*, комитатив на *-oš/aš* и исчезнувший комитатив на *-a* — это падежи более раннего этапа развития енисейских языков, которые могли различаться как собственно инструктив, медиатив (инструменталис) и собственно комитатив.

Показатель *-la* в коттском языке, отмеченный М. А. Кастреном как энклитика со значением «только», можно рассматривать как реликт бывшего эксклюзива: *ton-la* «только нож». В кетском языке этот показатель сохранился, на наш взгляд, в формах наречий и прилагательных на *-la*, выражающих деминутивность, ослабленность или неполноту меры признака [2, с. 575; 14, с. 6]: бак. *aqla* «хороший» — *aqla-la* «получше», кур. *bi : l'* «далеко» — *bi-la* «подальше», кур. *qā* «большой» — *qə:-la* «побольше», бак. *unat* «медленно» — *unat-la* «помедленнее», сур. *s'u : lem* «красный» — *s'u : lem-la* «красноватый», *tum* «темный» — *tum-la* «потемней» и т. д. Правда, наряду с *-la* М. А. Кастрен приводит с таким же значением наречие *inipei* «только, именно столько», образованное с помощью показателя *-pei* от наречия *ini* «здесь»; однако другие формы на *-pei* позволяют предполагать, что этот показатель имел значение компаративно-следственного характера, например, кот. *bilipei* «сколько» (< *bili* «гдс» +

+ *pei*), *hätepei* «столько» (ср. *häteä*, «так», *häteä, o : l* «так же»). К тому же сам М. А. Кастрен склонен был рассматривать показатель *-pei* как окончание, выражающее следствие (*Consecutivendung*), и привел его в списке послелогов [1, с. 149].

Транслативное значение в енисейских языках уже в раннюю эпоху их развития выражали, очевидно, главным образом глагольные конструкции, которые довольно однообразны в коттском, кетском и югском языках. Сохранились, однако, и такие конструкции, которые могут возводиться к падежной форме. В кетском и югском языках это образования на *-es'aḡ*, которые ведут себя как падежные формы транслативно-целевой семантики [17], например: югск. *xu : d'esaḡ* «шукой чтобы обернуться», *kedesaḡ* «человеком чтобы стать», кет. *hi : tes'aḡ* «за клеєм (пошел)», *konRus' s'ejes'aḡ* *bu, soḡo* «для шалаша место высматривает», *ul'es'aḡ* «за водой», югск. *d'eje-saḡ* «за людьми (пошел, чтобы их привести)», *tudaesaḡ oo : nde* «за этим (вещь) пошел» и т. д. В коттском языке данным формам соответствуют образования на *-o : jaḡ*; *hiḡo : jaḡ* «ради, из-за лошади», *o : p o : jaḡ* «от отца»; М. А. Кастрен был склонен рассматривать *o : jaḡ* как послелог со значениями «для, ради, из-за, от». Хотя значение кот. *o : jaḡ* и отличается от значений кет.-югск. *es'aḡ*, в историческом плане их можно возводить к формантам с транслативно-целевым значением.

Югск. *a : s* и кет. *as'* (кет. *as'ka* является формой локатива от *as'*), имеющие компаративно-эссивное значение, также выступают в некоторых случаях как падежный формант, например, югск. *at dyla : s badabe : t'* «я как девочка» (букв. «я как девочка сделана», ср. *at dylbata : x* «я девочкой стану»), *bu figa : s dujabe : t'* «он как мужчина», *ətn figyna : s dḷ,abet'n* «мы как мужчины» и т. д. Возможны и формы типа *ətn figyna : s bet'si* «мы как мужчины» (букв. «мы как мужчины, мужчинам подобно сделаны»). Такому толкованию элемента *a : s* противоречат, однако, примеры типа *bu daamdi, a : s ajabe : t'* «он на свою мать похож», *bu daabda, a : s ajabe : t'* «он на своего отца похож» и т. д., или примеры типа *ugu dyl ab dyl daa : s dia : bək* «твой ребенок (мальчик) похож на моего ребенка» (букв. «твой ребенок похож на моего ребенка, на его облик»), где *a : s* выступает как существительное. В примерах же *bu ab a : s kyjasuget'* «он по мне рассказывает», *kida ab a : s* «это по мне», *kida obda a : s* «это по отцу», *kida amdi a : s* «это по матери», *kida buda a : s* «это по нему» и т. д. *a : s* можно рассматривать как послелог. При наличии таких разнородных фактов говорить в первом случае о падежном форманте, очевидно, не приходится.

Заканчивая обзор падежей группы I в енисейских языках, можно заключить, что среди них в общеенисейскую эпоху было представлено несколько семантических групп, выражавших: (1) локативные отношения (локатив на *-l*, локатив на *-ke*, локатив на *-bas*); (2) компитативно-инструментальные отношения (комитатив, комитатив-инструктив, медиатив-инструменталис); (3) компаративные отношения (экватив, преклюзив, компаратив-консекутив и, возможно, эссив); (4) каритивно-лимитативные отношения (каритив, эксклюзив); (5) транслативные отношения (транслатив)². Все эти формы характеризовали состояние субъекта и восходили генетически к ремо-тематическим образованиям, в которых тема выражалась словами

² В настоящей статье особо не заостряется внимание на вопросе о статусе отдельных падежей. Ситуация в енисейских языках точно напоминает ситуацию, существующую, например, в уральских языках, и вопрос о том, правомерно ли отнесение рассматриваемых форм имени и местоимений к разряду падежных, возможно, потребует специального изучения. Мы придерживаемся в статье традиционного взгляда на эти формы имени и местоимений.

качественно-дейктической семантики. По мере их развития от словосочетаний к аналитическим, а затем — синтетическим словоформам, с формализацией конечных составных компонентов они превращались в темо-рематические образования; формализованные конечные морфоэлементы приобретали при этом способность присоединяться к любому имени в форме ед. или мн. числа, исключая случаи ограничения по семантическим причинам.

Итак, при учете, кроме реально засвидетельствованных со времен М. А. Кастрена падежных форм, различных реликтовых морфоэлементов, которые возводятся к показателям исчезнувших падежей, состав формантов падежей группы I в енисейскую эпоху может быть ориентировочно восстановлен в следующем виде:

1. Основной	—
2. Локатив I	* l
3. Локатив II	* ke
4. Локатив III	* bas
5. Комитатив I	* p ^h as
6. Комитатив II	* a
7. Медиатив (инструменталис)	* o:
8. Транслатив	* o ¹ aŋ/asaŋ/isaŋ
9. Компаратив-преклюзив	* ba ^j
10. Каритив	* p ^h an/p ^h on
11. Эксклюзив	* la
12. Вокатив	* o

Обращает на себя внимание тот факт, что на этой стадии развития енисейского склонения отсутствуют падежи лативной семантики, так как различные отношения, связанные с перемещением денотата в пространстве, выражались глагольными превербам [18]. Эта особенность енисейских языков не случайна, если учесть, что глаголы движения относились к классу активных глаголов, у которых одной из главных грамматических категорий была категория версии [19, с. 60—61], выражавшаяся и на морфологическом, и на словообразовательном уровнях [18].

В отличие от описанных форм, у которых грамматические форманты не были дифференцированы по числу, лицу и классу, в енисейских языках развиваются и формы имени, выражавшие эти различия. Они сохранились в енисейских языках в виде так называемых лично-предикативных форм:

Кетский	Югский	Коттский	
<i>aqta-di</i>	<i>axta-di?</i>	<i>hama:-taŋ</i>	«я хороший»
<i>aqta-yu</i>	<i>axta-gu?</i>	<i>hama:-u/hamau</i>	«ты хороший»
<i>aqta-du</i>	<i>axta-du?</i>	<i>hama:-tu</i>	«он хороший»
<i>aqta-da</i>	<i>axta-da?</i>	<i>hama:-ta</i>	«она хорошая»
<i>aqta-daŋ</i>	<i>axta-da:ŋ</i>	<i>hama:-toŋ</i>	«мы хорошие»
<i>aqta-yaŋ</i>	<i>axta-ga:ŋ</i>	<i>hama:-oŋ</i>	«вы хорошие»
<i>aqtajaŋ</i>	<i>axt-e:ŋ</i>	<i>hama:ʔiaŋ/hama:giaŋ</i>	«они хорошие»
<i>aqt-am</i>	<i>axt-e?</i>	* <i>hama:ʔa</i>	«(это) хорошее»

В современном кетском и югском языках этих форм не удалось обнаружить у имен существительных, но М. А. Кастреном такие формы зафиксированы и для енисейско-остяцкого (т. е. кетского и югского) и для коттского. В историческом плане они тоже восходят к ремо-тематическим словосочетаниям, но в качестве темы в них выступали прономинально-дейктические слова, которые сами по себе были дифференцированы по лицу, числу и классу. В функциональном плане они выражали различные состояния субъекта.

Наряду с исходными ремо-тематическими в древних енисейских языках были представлены и темо-рематические образования, характеризовавшие активного деятеля. В качестве темы в них выступали имена активных классов — мужского или женского, — а в качестве ремы — активные глаголы. Вопрос о том, оформлялись ли активные имена в этой позиции в общенисейскую эпоху особым активным падежом, если допускать, что енисейский праязык был языком активной типологии [20], остается открытым; но можно с большей степенью вероятности предполагать наличие в общенисейскую эпоху двух рядов личных местоимений — активного, когда обозначался субъект активного действия, и инактивного, когда обозначался субъект, пребывающий в определенном состоянии [21], которые послужили истоком зарождения падежной оппозиции «основной падеж»: «родительный падеж», ключевой для понимания енисейской деклинационной модели в целом [5, с. 242].

Типологически сходные параллели в области личных местоимений обнаруживаются, например, в ностратических языках [22]. Интересны в связи с рассматриваемым вопросом и различные варианты личных местоимений в древних сино-тибетских языках, в частности, в древнекитайском, где каждому из вариантов были «... свойственны свои особые синтаксические функции (как англ. *I — me* или франц. *je — me — mǎ*)» [23]. В пранисейском эти ряды личных местоимений были переосмыслены как различные формы категориального характера, что как раз и явилось исходным пунктом для возникновения оппозиции «основной падеж»: «родительный падеж». С другой стороны, эти ряды личных местоимений послужили основой для возникновения двух серий субъектно-объектных показателей в структуре енисейских финитных глагольных форм — показателей Б и Д [20, с. 38—39]. Правда, показатели активной серии (показатели Б) были в свою очередь представлены еще вариантами центробежной и центростремительной версий, и очень важно подчеркнуть, что в качестве форм активного (>родительного) падежа стали осмысливаться лишь те варианты личных местоимений, к которым восходят глагольные показатели Б центростремительной версии (как уже отмечалось нами, центростремительные версиянные глагольные формы выражали действие, замкнутое на активном актанте или происходящее на месте его пребывания, в отличие от форм центробежной версии, которые, напротив, обозначали действие, направленное за пределы активного актанта или от места его пребывания [19, с. 60]).

Таким образом, падежная оппозиция «основной падеж»: «родительный падеж» зародилась сначала в сфере личных местоимений и только позднее появилась в сфере активных имен. В данном случае исходными были, как правильно предполагали В. Н. Топоров и Т. В. Цивьян, образования типа кет. *ob-da-hyp* «отец-его-сын», где *-da-* восходит к форме активного (>родительного) падежа личного местоимения 3-го л. ед. числа. В таких образованиях в качестве первого компонента могли появляться и личные местоимения 3-го л. в форме основного падежа, замещающие активные имена мужского или женского класса: *bu-da-hyp* «он-его-сын». При учете данных коттского склонения и рядов глагольных субъектно-объектных показателей серии Б общенисейские формы активного (>родительного) падежа местоимений 3-го л. ед. числа могут быть реконструированы в виде **a* (муж. класс) и **i* (жен. класс). В коттском языке они сохранили свою исконную форму, а в кетском и югском были осложнены морфоэлементом *d-*, который А. П. Дульзоном рассматривался как показатель одушевленного класса [24]. Несколько неожиданной является активная форма лич-

ного местоимения 1-го л. ед. числа в коттском: вместо губного согласного, представленного в кетском и югском ($ap \propto ab \propto av^3$), в коттской форме *aij* наблюдается заднеязычный носовой *ɣ*. Этот же согласный представлен и в лично-предикативном суффиксе 1-го л. ед. числа (например, кот. *hamataj* «я хороший», ср. кет. *aqtadi*, югск. *axtadi*? «я хороший»). Это объясняется, очевидно, тем, что в коттском языке в указанных случаях употреблялись переосмысленные исконные эксклюзивные формы местоимения «мы», а соответствующие исконные инклюзивные формы сохранились как формы местоимения 1-го. л. мн. числа.

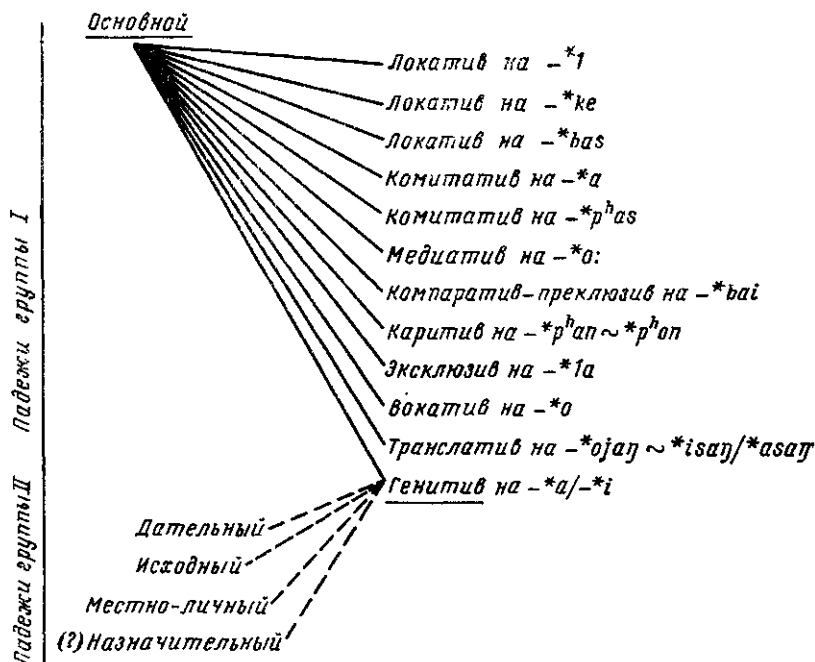
По аналогии с образованиями типа *ob-da-hyp* «отец-его-сын» строились, на наш взгляд, и глагольные формы активного действия, и прав был в известной мере Е. А. Крейнович, выдвинувший гипотезу, в соответствии с которой в енисейских языках в таких случаях обозначалась принадлежность действия лицу [25]. Поначалу в подобных образованиях посессивность, разумеется, не выражалась. Но они послужили исходным пунктом ее выражения в енисейских языках. Категория посессивности развивается позднее, когда происходят изменения в общем типологическом состоянии енисейских языков и в их строе появляются черты номинативности. Из исходных образований типа *ob-da-hyp*, в которых центральный компонент представлял собой активную форму соответствующего личного местоимения с семантикой центростремительной версии, могли постепенно вычлениваться и функционировать в самостоятельном употреблении образования типа *da-hyp* «его сын», послужившие основой для образования посессивных форм имени. А при членении исходных образований как *ob-da hyp* «отца сын», *buda hyp* «его сын» возникали формы род. падежа (обоснование см. [26]).

Новые атрибутивные синтагмы, в которых имя в форме род. падежа сочеталось с именем в основном падеже, конкурировали со старыми атрибутивными словосочетаниями, состоявшими из двух имен в форме основного падежа, и в силу более высокой информативности первых старые образования атрибутивного характера типа *s'enəɣ ty?s'* «шаманский камень» (букв. «шаман-камень») стали вытесняться из сферы активного употребления. Семантические преобразования внутри самих атрибутивных синтагм с формой род. падежа приводят в ряде случаев к ослаблению конкретного предметного значения у определяемых имен в форме основного падежа, что создавало предпосылки для образования послеложных конструкций. Интересно, что поначалу в послеложных конструкциях как бы продолжается тенденция к выражению версионных различий по аналогии с превербами. Следы этих различий хорошо сохранились в падежах группы II, возникших из послеложных конструкций. Так, новый локатив в падежной группе II, так называемый местно-личный падеж, имеет по существу адессивное значение (местонахождение, принадлежность), а дат. падеж сочетает в себе аллативное значение со значениями иллатива, инессива и терминатива. Сходную семантику обнаруживает иногда и назначительный падеж, и в целом все перечисленные падежи группы II несут в себе рудиментарные черты выражения центростремительной версии. Напротив, исходный падеж, сочетая в себе значения аблатива, элатива и эгрессива, сохраняет признаки выражения центробежной версии. К исходному падежу примыкает в этом плане кетско-югский продольный падеж, исходная локативная семантика которого полностью преобразовалась

³ Судя по аринским формам *b'ar* «отец» (букв. «мой отец») и *b'am'a* «мать» (букв. «моя мать»), где выделяется посессивный преф. *b-*, такое же положение было в аринско-пумпокольской подгруппе енисейских языков.

(в коттском языке этот падеж на *-baš* ∞ *-paš* приобрел значение компаратива). Его исконная связь с локативами проявляется, однако, в том, что его показатель *-bes* легко присоединяется в кетском и югском к локативу на *-ka*, образуя формы типа *s'es'kabes* 'вдоль по реке'.

Хотя в сфере падежей группы II и наблюдаются некоторые рудиментарные черты, связанные с выражением версии, в целом появление этих падежей в системе енисейского склонения было связано с общей перестройкой языкового типа и его ориентацией на передачу субъектно-объектных отношений. Именно среди падежей группы II появляются род. и дат. падежи, т. е. падежи, характерные для парадигмы склонения языков номинативной типологии. Учитывая единообразный характер показателей род. падежа во всех енисейских языках, время его становления из образований, выражавших активное отношение между двумя именными денотатами, можно относить к общеенисейской эпохе. Предпосылки для

развития падежных форм, основанных на родительном падеже (форм дательного, исходного, местно-личного и назначительного падежей), несомненно, тоже возникли в общеенисейскую эпоху, хотя их конкретная реализация по языкам осуществляется уже на этапе обособленного развития енисейских языков, о чем свидетельствуют и различия в составе этих падежей по языкам, и различия в выборе морфоэлементов, вошедших в структуру соответствующих падежных показателей. Так, например, в югском языке отсутствует местно-личный падеж, а в коттском — назначительный, но если для югского языка можно предполагать более позднее вытеснение местно-личного падежа дательным падежом, то отсутствие назначительного падежа в коттском говорит о том, что этот падеж вообще может рассматриваться как кетско-югская инновация в деклинационной системе енисейских языков.

При учете изложенных соображений относительно состава и времени

формирования падежей можно деклинационную модель поздней общенисейской эпохи представить в следующем виде (см. с. 93).

При реконструкции общенисейской деклинационной модели нельзя обойти молчанием и вопрос о позиционных падежах. Думается, что с появлением род. падежа и началом процесса формирования падежей группы II, что было связано, как уже отмечалось, с общей перестройкой енисейского языкового типа, с развитием в нем черт номинативности, должен был измениться и статус основного падежа, падежа субъекта и прямого объекта. Ориентация языкового типа на передачу субъектно-объектных отношений приводит к преобразованию основного падежа в именительно-винительный. Эти изменения в функциональном статусе основного падежа подтверждаются на синтаксическом уровне определенными правилами порядка слов в предложении, сохраняющимися в енисейских языках до настоящего времени: при нормальном (неэмфатическом) порядке слов в простом кетском или югском предложении подлежащее всегда занимает начальную (маргинальную левую) позицию, сказуемое — конечную (маргинальную правую) позицию, а прямой объект располагается между ними, как правило, непосредственно перед сказуемым [27]. Очевидно, эта схема порядка слов в простом предложении существовала уже в общенисейскую эпоху тем более, что она копирует схему расположения субъектно-объектных показателей в кетско-югских глагольных словоформам с основой в конце слова, которые считаются в кетологии наиболее древними [3, с. 97].

В связи с вопросом о различиях между номинативом и аккузативом в современных енисейских языках не только в плане содержания, но и в плане выражения очень интересными представляются случаи употребления в речи кетов и югов дублетных падежных форм, на которые впервые обратил внимание В. Н. Топоров [9, с. 36]. Обычно для выражения прямого объекта используется форма основного падежа, но нередко вместо этой формы появляются:

а) форма назначительного падежа, например: *s'e : l' des'ijol'ys // s'e : l' des'ij ol'ystat* «олень зовет олененка» [9, 36];

б) форма дательного падежа: *ad u dkuɣoɣo // ad ukuɣa duɣoɣo* «я тебя ждущу»; *at u deɣusot // at ukuɣa deɣsoɣot* «я тебя ругаю».

Дублетность в таких случаях исключает ссылку на особые случаи глагольного управления типа югск. *aseradiɣ : r u xoskide* «кого ты боишься?» (букв. «от кого ты боишься?»). Следовательно, можно в данном случае говорить о тенденции в развитии падежного употребления либо для выражения определенности-неопределенности, как, например, в самодийских языках [9, с. 36], либо для разграничения номинативных и аккузативных функций. Видимо, именно в этом смысле назначительный падеж иногда условно определяется как «винительный» [5, с. 244—245]. При этом нами не исключается и возможность того, что появление указанных дублетных форм в определенных случаях индуцируется воздействием со стороны русского языка в условиях активного и массового русско-кетского двуязычия [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Castrén M. A. Versuch einer jénissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb., 1858.
2. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск, 1968.
3. Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
4. Успенский Б. А. О системе кетского глагола // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.

5. *Топоров В. Н., Цивьян Т. В.* Об изучении имени в кетском (некоторые результаты и перспективы) // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968.
6. *Старостин С. А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.
7. *Иванов Вяч. Вс.* Заметки по типологии кетского глагола // Проблемы типологии и контрастивного описания языков. Новосибирск, 1984.
8. *Валл М. Н., Канакин И. А.* Категории имени в кетском языке. Новосибирск, 1985.
9. *Топоров В. Н.* Заметки по лингвистической географии Енисея. I. Из наблюдений над структурой падежной парадигмы // Лингвотипологические исследования. I. М., 1973.
10. *Кузнецова А. И., Халимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М., 1980. С. 315.
11. *Шерер В. Э.* Последовные конструкции в кетском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1983. С. 9.
12. *Вернер Г. К.* К типологической характеристике родительного падежа в кетском языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 16.
13. *Шерер В. Э.* Последовы и падежные показатели в кетском языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 61—62.
14. *Бибикина В. С.* Образование и употребление прилагательных в кетском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Томск, 1971.
15. *Виноградова Л. Е.* Словообразование имен существительных кетского языка: Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1981.
16. *Живова Г. Т.* Местоположения в кетском языке. Автореф. дис... канд. филол. наук. Л., 1978. С. 17—18.
17. *Валл М. Н.* О некоторых значениях *эс'аң* в функции падежного аффикса в кетском языке // Уч. зап. Омского пед. ин-та. 1969. Вып. 52. С. 167—169.
18. *Павленко Л. Г.* Типология кетских глаголов движения: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1986. С. 14—16.
19. *Вернер Г. К.* Типология элементарного предложения в енисейских языках // ВЯ. 1984. № 3.
20. *Вернер Г. К.* Реликтовые признаки активного строя в кетском языке // ВЯ. 1974. № 1.
21. *Валл М. Н., Вернер Г. К.* Об истоках падежной системы в енисейских языках // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции. 14—16 июня 1973 г. Томск, 1973. С. 30.
22. *Палматис Л.* Личные местоимения в связи с вопросом реконструкции бореальной грамматической системы // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. М., 1972. С. 63.
23. *Яхонтов С. Е.* Древнекитайский язык. М., 1965. С. 11—12, 66—69.
24. *Дульзон А. П.* Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими // Уч. зап. Томского гос. ун-та. 1969. № 75. Вып. 2. С. 135.
25. *Крейнович Е. А.* О модели глаголов кетского языка с основой в начале слова // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского. М. — Л., 1964. С. 140.
26. *Вернер Г. К.* К проблеме границ слова в енисейских языках (на материале современных диалектов) // Семантико-синтаксические связи в языках разных систем. Кемерово, 1983. С. 25—26.
27. *Вернер Г. К.* О реализации глубинных падежей в поверхностных структурах кетского языка // Изв. СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1985. Вып. 1. С. 52.
28. *Минаева В. П.* Интерферирующее воздействие русского языка на кетский язык: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1986. С. 14—16.